

А. Романович-Славатинский

Дворянство в России

**От начала XVIII века до отмены
крепостного права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Романович-Славатинский**
Дворянство в России: От начала XVIII века до отмены крепостного права / А. Романович-Славатинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 594 с.

ISBN 978-5-458-29747-9

Одним из самых известных и авторитетных исследований по истории российского дворянства является предлагаемая Вашему вниманию работа «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» (1870). За этот выдающийся (по определению Словаря Брокгауза-Еффона) труд его автор – известный российский юрист и историк права – Александр Васильевич Романов-Славатинский (1832-1910) был удостоен докторской учёной степени.

ISBN 978-5-458-29747-9

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Отличительная черта въ исторіи нашего дворянства, сравнительно съ дворянствомъ западной Европы, состоить въ томъ, что у настъ оно всегда было *установлено* политическими, существовавшими и видоизмѣнявшимися, сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительственнымъ. Аристократические элементы, свойственные всякому обществу, были, конечно, и у настъ, точно также, какъ и у настъ было стремленіе меньшинства членовъ общества выдѣлиться изъ народа и составить *привилегированную общественную группу* — лучшихъ людей. Это присуще человѣческой природѣ и проявляется во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Но разница въ томъ, что у настъ эти аристократические элементы слагались въ *привилегированную общественную группу* *не сами собою*, не во имя какого-нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы, — у настъ аристократические элементы *сложены были* въ *привилегированную общественную группу* *государственную властью*, которая давала ей ту или другую организацію, повышала и прииждала ее, сообразно потребностямъ государства, *примѣнительно къ интересамъ правительства*. Въ этомъ состоить радикальное и основное отличие нашего *служилоаго дворянства*.

ства отъ феодальной землевладельческой аристократии западной Европы, нашей идеи благородства, основанной на службѣ государству и народу русскому и пожалованной самодержцемъ отъ идеи благородства западно-европейскаго, основанной на крови, на контрактѣ съ государственной властью.

Было время, когда потребности государства и обусловливаемые ими интересы правительства, вызвали образование царскихъ чиновныхъ людей — помѣстного служилаго класса, надѣленнаго отъ государства землями. Ввиду этихъ потребностей и интересовъ, помѣстный служилый классъ несъ ландмилитскую службу и отбывалъ всяческія государевы посылки, ополчался съ своими людьми, по призыву государства, а крестьяне были прикреплены къ помѣстнымъ землямъ, отбывая службу въ пользу службъ государевыхъ — барщину и оброки.

Настало время, когда преобразовательная дѣятельность государственной власти, въ лицѣ Петра, помѣстный служилый классъ, раздробившійся на царскихъ чиновныхъ людей, высшихъ и низшихъ ранговъ, сложила въ цѣльную общественную группу — въ сословіе шляхетства, отчасти по-западно-европейскимъ образцамъ. Но національныя традиціи, но потребности государства и интересы правительства, только видоизмѣняютъ тотъ крѣпостной характеръ отношеній нового сословія къ государственной власти, какой имѣли отношенія къ ней помѣстного служилаго класса: вместо ландмилитской службы, периодически отбываемой, вместо временныхъ посылокъ, налагается постоянная служба въ регулярныхъ полкахъ и банделяріяхъ; европейскій строй службы вызываетъ необходимость

научной въ ней подготовки, и шляхетство засадили за азбуку, за цыфирную и навигаціонную науку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнѣйтимъ благодѣніемъ, какъ впослѣдствіи выражалось дворянство, когда для него что прошло, то стало жило—помѣстья превращены были въ вотчины, для непоколебимости и ясности шляхетскихъ фамилій установленъ майоратъ, а владѣніе крѣпостными людьми начало терять государственный характеръ и приобрѣтать характеръ гражданскій. Въ политикѣ Петра Великаго относительно шляхетства нельзѧ не замѣтить раздвоенія: увлеченный западно-европейскими феодальными образцами, онъ даетъ своему шляхетству феодальные гербы и титулы, вводить для него майоратъ, „дабы шляхетскія фамиліи не упадали; но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великие domы“. Слѣдя-же преемственности исторической, национальныи историческимъ традиціямъ, онъ говоритъ, что знатность пропорціональна годности, что только службой приобрѣтается благородство, что *каждый дворянинъ* почесть и первое място долженъ давать *каждому обер-офицеру*. Результатомъ этой политики дуализма во всякомъ случаѣ было то, что въ новое сословіе брошено зерно *сословныхъ дворянскихъ воззрѣній*, которое, назрѣвая мало-по-малу, разцвѣло впослѣдствіи цвѣтѣемъ *дворянскихъ аристократическихъ притязаній*, которыхъ оформлены были законодательствомъ Екатерины II и затѣмъ привились къ нашему общественному строю.

Междудругими, приспѣло новое время, и положеніе шляхетства, *переименованное* въ дворянство,

измѣнилось: персоналъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ стать достаточенъ для потребностей арміи и канцелярій; дворянство по доброй волѣ начало учиться дыфири, навигаціонной наукѣ, иностраннымъ языкамъ: его *освобождаютъ* отъ обязательной службы и обученія. Традиціонный крѣпостной характеръ сословія отходитъ на второй планъ— на первый планъ выступаетъ характеръ *привилегированности, знатности и благородства, привитой подражательностью западной Европы*. Затѣмъ, вскорѣ послѣдовали реформы Екатерины II. Императрица окончательно *одобряетъ* сословіе, окончательно превращаетъ его въ *привилегированное и благородное*, которому на правахъ *полной частной собственности* принадлежать крѣпостные крестьяне. Но традиція отношений государственной власти къ новому благородному сословію сказывается. Преобразовывая губернское управление, Екатерина II требуетъ отъ своего дворянства новыхъ услугъ государству, новой обязательной службы: на *дущи его* налагаетъ *местный судъ и полицію*. Расширение личныхъ правъ дворянства, превращеніе крѣпостного права въ право полной собственности на людей — является, какъ бы вознагражденіемъ за новую обязательную службу сословія. При Павлѣ I дуалистическая политика относительно дворянства сказывается самымъ рѣзкимъ образомъ: возстановляются тѣлесныя наказанія для дворянства, дѣлаются шаги и относительно возстановленія обязательной службы, неслужащіе дворяне называются *тунеядцами*. И въ то же время манифестъ 1 января 1798 г., изданный по-случаю утвержденія 1-й части дворянскаго гербовника, *увѣряетъ* дворянство,

что оно древностю своею не уступает древнейшим родамъ другихъ государствъ, и ижесть. Поэтому, право на рыцарскіе гербы дворянства феодального. То же повторяется и при императорѣ Николаѣ I: онъ также былъ недалекъ отъ возстановленія обязательной службы; онъ не позволялъ дворянству обучать своихъ дѣтей тамъ, где оно хотѣло, одѣсть его въ униформу министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ бы показывая тѣмъ, что *сословіе состоитъ на службѣ по этому вѣдомству*, и въ то же время въ какой-то степени возстановляется майоратъ, усиливаетъ преимущества дворянства по службѣ государственной и преобладаніе въ местной службѣ, повышаетъ чины, дающіе права потомственного дворянства, развиваетъ систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній.

Поставленное между двухъ огней, между созидающими и организовавшими его потребностями государства и интересами правительства—национальными, историческими традиціями и между прививаемыми къ нему дуалистическою подражательной политикой аристократическими идеями и притязаніями феодального западно-европейского дворянства, наше дворянство, *надѣленное личными и корпоративными привилегіями, отличившими его отъ другихъ общественныхъ классовъ, обладая на правахъ полной собственности массами крѣпостного населенія, замыкается въ отдельное благородное сословіе, старается обособиться отъ народа и воспитаніемъ, и нравами, и одеждой, и даже языкомъ.*

А между прочимъ, идетъ время и приводить

государство къ новымъ потребностямъ, правительство къ новымъ интересамъ, вытекшимъ изъ национальныхъ историческихъ традицій: совершаются великия реформы великаго настоящаго царствованія. Отмѣняется крѣпостное право, преобразовываются суды, вводятся земскія учрежденія, ослабляется сословная школа, льгота свободы отъ тѣлесныхъ наказаній распространяется на всѣ общественные классы. Реформы эти встрѣчаются съ тѣми сословными воззрѣніями дворянства, которые развились въ немъ въ предшествовавшее имъ время, но, подъ вліяніемъ этихъ реформъ, *соціальное и юридическое положеніе* сословія, безъ сомнѣнія, крѣпко видоизмѣняется.

Дворянство, конечно, всѣми своими интересами кровно связано съ пережитымъ порядкомъ вещей, но ввиду новаго нарождающагося порядка ему предстоитъ *новое положеніе въ государствѣ*. Въ чѣмъ будеть заключаться это новое положеніе дворянства? Жизнь отвѣтить на этотъ вопросъ, и разрѣшить его, сообразно своимъ роковымъ требованіямъ. Для насть несомнѣнно одно: *дворянство въ настоящее время переживаетъ кризисъ*. Прежнюю историческую жизнь свою оно *невозратно* прошло, прежнюю свою миссію — несомнѣнно великую — оно исполнило. Поэтому, и прежнее его привилегированное положеніе въ государствѣ, и прежнее его выдѣленіе изъ массы народа русскаго, разбивавшее общество на *бѣлыхъ и черныхъ, благородныхъ и подлыхъ*, дѣлаются эпизодомъ изъ прошлой исторіи нашего общественного строя. Великій обновитель родной земли сдѣлалъ *благородныхъ и привилегированныхъ* весь народъ рус-

скій, изъ котораго выдѣляется только его излюбленный самодержецъ.

Намъ казалось, поэтому, своеевременнымъ, отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ устанавливалась прежняя привилегированность дворянства, какъ пользовалось оно своими привилегіями, во благо націи и государству? Этимъ объясняется выборъ предмета для предлагаемыхъ пріуготовительныхъ этюдовъ, которыми воспользуемся, можетъ быть, мы сами, можетъ быть воспользуется кто-нибудь другой, болѣе настъ даровитый, чтобы составить цѣльное прагматическое изслѣдованіе по исторіи нашего дворянства.

Но, сдѣлавъ такой выборъ, увлеченные своеевременностю вопроса — мы не скрывали отъ себя и трудностей дѣла: вопросъ о дворянствѣ, въ полномъ его составѣ, почти не тронутъ другими высокоуважаемыми нами изслѣдователями по исторіи русскаго права. Если мы рѣшились остановить свой выборъ на этомъ вопросѣ, такъ только потому, что приступили къ дѣлу безъ излишнихъ притязаній на его обстоятельное и беззапелляціонное разрѣшеніе. Мы слишкомъ высоко цѣнили задачи и требования *прагматического исторического изслѣдованія*, чтобы назвать такъ и нашу работу. Мы слишкомъ уважаемъ высшія инстанціи человѣческаго ума, чтобы считать нашу работу беззапелляціонной. Она имѣть въ нашихъ собственныхъ глазахъ значеніе только свода разбросанного материала и пріуготовительныхъ этюдовъ-ряда замѣтокъ для исторіи дворянства, только намѣчающихъ нѣкоторые вопросы, къ ней относящіеся, ставящихъ рамки, рубрики для будущаго изслѣдованія. Мы только

собирали мусоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдетьгодніиіи другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобы употребить и ихъ на постройку зданія, которое бы, по лучшей симметрії и изяществу отдѣлки, болѣе соотвѣтствовало достоинству и важности вопроса.

Притомъ, для полной, прагматической исторіи нашего дворянства едва ли приспѣло время, едва ли собранъ весь материалъ.

Дворянство еще таъ недавно, съ своими исключительными правами и преимуществами, выдѣлялось изъ народа, господствуя надъ массами крѣпостнаго населенія, что историку довольно трудно отнести къ нему съ подобающею объективностю, не увлекшись борьбою дня — восхваленіемъ этихъ сословныхъ привилегій, или же ихъ порицаніемъ. Мы постараемся выдержать возможно объективную точку зрѣнія, хорошо понимая, что наше дворянство, со всѣми его дурными и хорошими качествами, было продуктомъ исторіи нашего — же общественного строя и было неповинно въ винахъ своихъ. Поэтому, да не вмѣнять же и намъ въ предумышленную вину, если въ исторіи дворянства, которую читатель найдеть на страницахъ нашей книги, какъ въ исторіи всякой привилегіи, встрѣтятся ему не однѣ свѣтлныя черты. Да не вмѣнять въ вину и намъ, что дворянство всегда выдѣляло себя изъ среды русскаго народа, то ополячиваясь, то онѣмечиваясь или оѣранпуживаясь, что оно всегда болѣе дорожило материальными выгодами своего положенія — крѣпостнымъ правомъ, свободою отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и повинностей, а на

свои обязанности предъ государствомъ, предъ родной губерніей или уѣзdomъ всегда смотрѣло съ чисто — формальной точки зренія. Оно *отлынивало*, елико возможно, отъ обязательной службы и обучения; оно бывало въ *иныхъ* на дворянскихъ собраніяхъ; оно, выбирая судей и полицейскихъ чиновниковъ своей мѣстности, невсегда считалось съ тѣмъ, насколько отъ качества этихъ избранныхъ имъ должностныхъ лицъ зависѣли интересы родной губерніи и уѣзда. Да не вмѣнять намъ, наконецъ, въ вину, если въ исторіи отношений дворянства къ крѣпостнымъ — столько печальныхъ эпизодовъ, столько эксплуатациіи русского мужика.

Другая трудность для изучающаго прошлыхъ судьбы нашего дворянства заключается въ разбросанности и неполнотѣ изданного материала, въ недоступности многаго другаго материала, таѣ какъ онъ еще не изданъ и гнѣтъ по архивамъ.

Нашъ, напримѣръ, основной и главный материалъ — *Полное собрание законовъ*. Но. не говоря уже о томъ, что материалъ этотъ касается только официальной, юридической жизни сословія, что едва ли достаточно для ознакомленія съ исторіей дворянства — материалъ этотъ разбросанъ во много томномъ сборникеъ и кроме того представляетъ нѣкоторые пробѣлы, иногда довольно существенные.

Дѣйствительно, кто занимался Полнымъ собраниемъ, тотъ знаетъ, какъ трудно собирать изъ него и группировать юридическія данныя, относящіяся къ изслѣдуемому вопросу. На указатели трудно положиться: иногда можно опустить весьма важную

черту, такъ какъ ея слѣдуетъ извлечать изъ какого-нибудь другаго постановленія, которое не стоитъ въ указатель, вслѣдствіе того, что въ немъ говоритъся о другомъ предметѣ, и только косвенно о вопросѣ изучаемомъ. Сколько разъ приходилось намъ извлечать данные для дворянства изъ указовъ, относящихся прямо къ какой-нибудь другой отрасли администраціи, къ уголовному или гражданскому праву. Болѣе вѣрное средство исчерпать материалъ Полнаго собранія — чтеніе его, страницы за страницей. Но такая работа, едва-ли по силамъ одному человѣку, да и она не представляетъ обезпеченія, что все существенное дѣйствительно извлечено. Мы настойчиво добивались того, чтобы извлечь изъ Полнаго собранія и сгруппировать всѣ данные, относящіяся къ исторіи дворянства, но мы все-таки далеки отъ полной увѣренности, что нами извлечено все, непримѣръ, второстепенное, но и главное. Задача нашихъ критиковъ указать намъ на наши пропуски.

Мы сказали, что П. С. представляетъ, кромѣ того, нѣкоторые пробѣлы, а иногда и довольно существенные. Дѣйствительно, можно указать на нѣсколько весьма важныхъ постановленій, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ П. С. Напримеръ: первоначальный указъ 1711 г. объ отмѣнѣ правежа крѣпостныхъ за долги ихъ помѣщиковъ, отысканный г. Побѣдоносцевымъ подъ однимъ суднымъ дѣломъ 1719 г., также какъ и указъ 21 марта 1736 г., окончательно прекратившій помѣстную дачу, что прямо явствуетъ изъ одного указа 1804 г., подъ № 21.536, — не вошли въ П. С., а указы эти, очевидно, весьма важны.